

Фрагмент души Тома Риддла корчился от ужаса, зажатый между указательным и большим пальцами Смерти. Смерть взглянул на бессознательную, но, к счастью, все еще запечатленную форму своей смертной оболочки, и с удовлетворением отметил, что его невероятно поспешное решение избавить альтернативное "я" от хоркрукса не прихватило с собой душу мальчика. Если бы это произошло, он бы в мгновение ока все исправил, но это было бы неприятно для его оболочки, а Смерть предпочел бы, чтобы смертный был доволен им - возможно, ему даже улыбнулись бы еще раз за его внимание.

Смерть наклонился поближе к сопротивляющемуся хоркруксу, изучая его бездонными черными глазами и наблюдая за различными нитями душ, отходящими от него вдаль. Одна из них действительно вела куда-то в другой дом, что одновременно и радовало, и разочаровывало: он так любил время от времени устраивать хорошую охоту. Смерть обхватил пальцами свободной руки черную нить, ведущую дальше в дом, и потянул за нее точно так же, как за ритуал вызова, который имел наглость обернуться вокруг его ребра.

Нить начала стремительно разматываться в его сторону, защищающие её чары не выдержали Зова Смерти, и вскоре хоркрукс в его пальцах увеличился вдвое - его младший близнец столкнулся с ним и был поглощён. Наклонив голову, Смерть криво усмехнулся, глядя на зазубренную черную душу в миниатюре. Слово прочитав его намерения - впрочем, он не был особо деликатен - осколок возобновил свои отчаянные попытки вырваться. Смерть лишь усмехнулся, забавляясь тем, что крестраж так упорно сопротивляется, в то время как полноценные души доставляли ему куда меньше хлопот.

Смерть откинул голову назад и держал над собой неподвижный осколок, ухмыляясь сквозь стиснутые клыки. Души всегда замирали вот так, когда понимали, какая судьба им уготована. По правде говоря, он поглощал не так уж много душ - он не был дементором и не получал от них ничего, кроме удовлетворения от того, что наказал человека вечными мучениями. Если бы это была любая другая душа, любой другой хоркрукс, Смерть, вероятно, просто изгнала бы его в чистилище, чтобы дождаться остальных осколков. Но в сердце Смерти всегда было особое место для Тома Риддла, который забирал его душу в общей сложности восемь раз.

Он сомневался, что крестраж Тома оценит такое особое отношение к нему. Души были ужасно грубы с ним, особенно непослушные. Смерть ухмыльнулся, не обращая внимания на то, что осколок дернулся от этого выражения, и задумался, как Том отнесется к тому, что его назвали непослушным. Ведь, по правде говоря, Смерть не мог назвать его "злым". За время своего пребывания на посту Темного Лорда Смерть делал вещи в разы хуже, когда был в плохом настроении, но он был достаточно мелочен, чтобы продолжать наказывать этого человека, невзирая на его относительную злобность.

Смерть услышал, как его смертная оболочка зашевелилась, и решил, что ему следует поторопиться, пока мальчик не проснулся и не успел как следует запаниковать. Меньше всего ему хотелось случайно уронить крестраж где-нибудь между матрасами. Смерть открыл рот и отпустил осколок, не обращая внимания на то, что крестраж, похоже, визжал, несмотря на отсутствие голосовых связок или какой-либо физической формы, позволяющей визжать, и зажал его зубами. Магия зацепилась за дрожащий осколок и потянула его вниз, и Смерть сразу же перестал заботиться о его существовании, как только он покинул его язык.

Смерть провел языком по зубам - вкус был как у кокоса, как странно, - и опустил голову, глядя на широко раскрытые глаза и побледневшее выражение на смертной оболочке, недоумевая, чего это мальчик так перепугался. По правде говоря, фраза "проглоти свою душу" была совершенно метафорической. Ему не нужно было глотать душу, чтобы запереть ее в себе, но гораздо веселее было делать это физически. К тому же его забавляло, когда души понимали, что он собирается с ними сделать, и пытались вырваться. По какой-то причине души (в особенности люди) испытывали укоренившийся страх быть проглоченными заживо, и это его вполне устраивало.

И люди странно относились к тому, что он собирался вылизывать их души, чтобы узнать, каковы они на вкус. Гораздо проще просто выяснить это таким образом, чем отвечать на все эти неудобные вопросы.

Гарри чувствовал себя так, будто в его грудной клетке только что застрял бладжер, зацепился за снитч где-то в черепе и вырвался из тела через лоб. В общем, он чувствовал себя как дерьмо. Открыв заспанные глаза, Гарри первым делом обратил внимание на то, что он довольно неловко растянулся на половине матраса. Второе, что он заметил, - это Смерть, опирающуюся на одну руку и висящую над оскаленной пастью с клыками в виде какого-то светящегося паутинно-хрустально-магического шара.

Гарри уставился на штуковину в руках Смерти, и тут же мелькнула мысль, пытавшаяся пробиться сквозь туман его полусонного состояния, после чего штуковина начала сопротивляться - могут ли светящиеся магические предметы сопротивляться?

Гарри не был запуган. Он был в ужасе.

На этом маленьком странном шарике с пушистым шлейфом была магическая подпись Волдеморта. Не нужно было обладать большим воображением, чтобы понять, что эта штука была в его шраме и что Смерть, очевидно, удалила ее, ткнув его в лоб. Мысли Гарри неслись вскачь. Почему эта штука была в его шраме? Что это было? Как она туда попала? Поэтому ли у него постоянно болит голова и возникают видения? Знал ли об этом Волдеморт? Знал ли об этом Дамблдор? Последняя мысль беспокоила его больше всего.

Не могло быть и речи о том, чтобы Дамблдор не заметил шар с магией Волдеморта в его шраме, учитывая, насколько сильным должен был быть этот человек и как часто он тесно общался со старым волшебником. Это означало, что Дамблдор сознательно оставлял частичку магии Волдеморта - или что бы это ни было - внутри своего шрама на протяжении четырнадцати лет и ничего не предпринял.

Его и без того плохое впечатление о директоре еще больше испортилось.